

UDC 94(47).084.3/6.

Living Space and Its Arrangement in Wartime *
(The second article)

Tat'yana P. Khlynina

Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Dr. (History)

E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Abstract. The article is concerned with the housing policy of Soviet state in pre-war and wartime, actualizes authorities' strategies, concerning housing problem solving, considers the projects of housing construction and its forms. Significant attention is attached to housing interior design and perception of housing conditions by the population of the day. It is stated that despite the efforts, made by the authorities, there was a lack of housing. Extracts from population appeals to the Soviet leadership, quoted in the article, confirm the difficulties in getting the housing. At the same time, the analysis of oral recollections by the participants and eyewitnesses of the Great Patriotic War enables to conclude that the housing was perceived as the necessary sign of wealth, dependent on state's opportunities.

Keywords: living space; oral narratives; respondent; housing conditions; house; shared apartment; Great Patriotic War; private life.

Введение. Несмотря на все проводившиеся эксперименты и добросовестный поиск властью решения жилищного вопроса в предвоенный период времени, жилья, не говоря уже о его качестве, катастрофически не хватало. Причиной тому зачастую оказывались «добросовестные» действия все той же власти, исходившей из необходимости построения принципиально нового быта и поиска соответствовавших ему пространных форм. Так, постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах» управление всем государственным жилищным фондом было возложено на местные советы, предприятия и учреждения, в чьем ведении находились жилые дома. Спустя три года началась борьба с самовольным строительством в городах, рабочих, курортных и дачных поселках. Степень ее интенсивности определялась не только указанными в постановлении СНК РСФСР от 22 мая 1940 г. «О мерах борьбы с самовольными застройщиками» сроками, но и необходимостью обеспечения вынужденных переселенцев *«транспортом, стройматериалами, топливом, а наиболее нуждающихся и денежными средствами»*. Во многих городах *«количество самовольно занятых участков и количество построек, подлежащих сносу, до сих пор окончательно не учтено»*. В Ростове-на-Дону из 1500 строений, подлежащих в 1940 г. сносу, было снесено только 1392. Отмечая, что *«в широких размерах проводилась самовольная застройка»*, горком признал целесообразным ее ликвидацию только на прилегающих к железнодорожному полотну территориях, *«в других местах жилья и так не хватало»* [1].

Сосредоточив в своих руках всю проектную (в 1931 г. был принят запрет на частное проектирование) и строительную деятельность, государство тем самым не только лишало граждан возможности самостоятельного решения жилищного вопроса, но и ставило его в зависимость от доволно скромных бюджетов местных органов власти и торгово-промышленных предприятий. К 1940 г. городской жилищный фонд СССР насчитывал 421 млн кв. м. По Ростову-на-Дону он составлял 2.068.200 кв. м. и *«находился по своему техническому состоянию на низком уровне, включая в себя 14238 кв. м. аварийного фонда»*. По заключению городского комитета ВКП(б), в городе *«не предпринимались меры по дополнительному расширению жилого фонда за счет использования дополнительных площадей – превышающих норму коридоров и кладовых <...>. 360 деформированных домов требовали ежедневного технического наблюдения»*. За пять месяцев 1940 г. был *«сорван ремонт жилого фонда: капитальный ремонт выполнен на 19,6 %, текущий – на 11,8 %»* [2]. По оценкам исследователей, *«этого было недостаточно для того, чтобы улучшить жилищные условия граждан»*, на каждого из которых в различных уголках страны приходилось от 4,5 до 8 кв. м. [3].

Однако и эти положенные метры возводились с целым рядом нарушений установленных сроков и объема строительных материалов. Так, Ростовский горком ВКП(б) на своем очередном заседании 3 марта 1940 г. повторно рассмотрел вопрос о строительстве жилого дома, возводившегося областной конторой Главнефтебюта и отметил *«крайне неудовлетворительный ход*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945)», проект № 12 – 01 – 00127.

строительства. Вместо сдачи в эксплуатацию дома в 1939 г. выполнение плана на 1.1.40 составило 61,4 %». Среди причин складывавшегося положения дел отмечались отсутствие проекта организационных работ, слабое оперативное руководство и контроль над строительством со стороны управления областной конторы, наличие большой текучести административно-хозяйственного персонала, «перерасход материала против сметной потребности на 200 тыс. руб.». При этом «кирпич, полученный от разбора купленной церкви в станице Мигулинской, частично расхищен» [4]. Зачастую проектируемое и возводимое жилье «уже содержало в себе строительные дефекты... В 20 кв. доме горжилуправления проектом предусмотрены в одной и той же комнате двери разной высоты. При производстве допущена неудовлетворительная подгонка дверей и окон, щели в полах» [5].

Подтверждением крайне неудовлетворительной ситуации, складывавшейся с обеспечением жильем, стали массовые обращения граждан в органы власти и лично к представителям высшего советского и партийного руководства страны. Так, жена капитана пограничных войск, орденоносца Л.К. Козлова, обращаясь к «глубокоуважаемому и дорогому Михаилу Ивановичу» Калинин, писала, что после того как была оставлена мужем, «находится в жутких квартирных условиях (13 кв. м.), комната на 8 человек, со стен течет вода» [6]. В другом письме «маленького человека, посмеявшегося побеспокоить занятого государственными делами большого человека», сообщалось о семейной трагедии, в результате которой ребенок, больной туберкулезом, «остался на 6 м., вместо положенных 14 м.» [7]. Казалось бы, жилищная теснота и «скученность проживания» лишали советского человека самой возможности каких-либо проявлений автономного существования. В реальности же, как свидетельствуют воспоминания и письма современников того времени, ситуация обстояла намного сложнее и не исчерпывалась одними лишь внешними обстоятельствами.

Обсуждение и результаты. В рассматриваемый период весь наличный жилой фонд страны был представлен четырьмя его наиболее очевидными разновидностями: «землянками, бараками, барскими квартирами, разгороженными на пеналы и, как предел мечтаний, кооперативными или государственными ячейками “с удобствами”» [8]. И хотя большей части населения доступными оказывались только первые три из них, опыт освоения жилого пространства все равно получался разным. Эта разность обуславливалась как особенностями самого жилого помещения, так и наличием или отсутствием привычки к его заполнению «милыми сердцу безделицами». Наиболее отчетливо она отразилась в воспоминаниях современников, передающих отношение человека к месту проживания, его плотности (людности), пространственной протяженности, внутреннему убранству, границам, отделяющим свое от чужого.

По свидетельствам очевидцев и непосредственных участников событий рассматриваемого времени, дом как место, где человек живет, если и не постоянно, то подолгу, представлен двумя основными образами – местом, где он жил до войны, и местом, которое стало для него убежищем во время войны. Практически во всех воспоминаниях война выступает тем поворотным моментом, который не просто резко ухудшает жилищные условия населения, но и значительно повышает их довоенный статус. О довоенном жилье вспоминается с душевной теплотой и каким-то особенным чувством непоправимой утраты: «Ох, уж эти довоенные нахичеванские дворы! Малонаселенные, с одноэтажными флигельками и квартирками, утопающими в зелени. У каждого соседа беседка или веранда и обязательно с кроватью. На калитке висел один почтовый ящик для всех жильцов, и каждый сосед, проходя мимо, заглядывал в него, и спешил сообщить, кому пришла почта. Где-то в сторонке сложенная из кирпича печурка, на которой готовили обеды, распространяя вкусные запахи на весь двор; но многие пользовались примусами на общей кухне» [9]. Чувством, овеянным по-настоящему счастливым, хотя и трудным детством, запомнившимся замечательным домом, «новым и красивым, с кухней, столовой, залой и спальней, расположенными очень удобно» [10].

Первый образ отождествлялся с квартирой и собственным домом. Эпитет «собственный» в данном случае означал принадлежность семье, оказавшейся результатом его постройки: «[Дом] большой, дедушка строил его в 1914 г., потому что семья была большая, у него было 10 душ детей» [11]; покупки: «Да, они купили домик такой небольшой. Сначала жили на квартире, а потом купили маленький домик, пополам. Соседи у нас были евреи, и они вот полдомика себе взяли, две комнатки, и две нам. Дом пополам» [12]. Зачастую им наделялось место рождения человека: «Моя коренная квартира – это Московская, № 7, этот дом и сейчас стоит. Только тогда это был конец улицы, глухой тупичок, а сейчас это площадь и на возвышении стоит двухэтажный дом. Это мой отчий дом» [13]. О квартирах вспоминали более сдержанно, что, вероятнее всего, объяснялось пониманием условности обладания ими: «У нас там двухкомнатная была, по-моему, такая, я вспоминаю... Не знаю. Помню, что мы уехали, бросили это и все» [14]. За исключением тех случаев, когда они осознавались социальным благом: «Да, для тех времен, когда был большой квартирный кризис, это было очень большое благо, была прекрасная квартира, две комнаты такие большие квадратные с паркетными полами, отдельная кухня, изолированная. Квартира была прекрасная и даже после войны, когда отца не было, мы с мамой вдвоем остались, и жизнь была тяжелая, наличие хорошей квартиры, это как-то скрашивало материальный уровень людей. Хорошая была очень квартира» [15].

При этом жилое пространство и в том и в другом случаях не сводилось к сухому перечислению его составляющих, а являлось неотделимым от его обитателей: *«Значит, это двухэтажный дом и четыре квартиры, из них три коммуналки и одна бывшая дворницкая. Значит, в одной квартире осталась одна женщина, такая хиленькая, ее и немцы не забирали на работы, и с ребеночком, годика три. В другой квартире не осталось никого. На первом этаже осталась мама подруга, бывшая дворянка, такая»* [16]. *«На Никольской был дом наш, я маленькая была. Такой колоссальный дом, большой частный, газон великолепный и пес, маленький, пушистый такой, спиц. У меня отметка, я маленькая была, что-то поползла, а он меня хватил за щеку»* [17].

В ряде воспоминаний дом как таковой ассоциировался с более широким географическим понятием населенного пункта или учреждения, его заменившего: *«Когда мне исполнился один год, то есть в 1924 году, отец и мать переехали в местечко Черяя Витебской области, преимущественно еврейское по населению и образу жизни... Местечко располагалось в живописном месте: кругом замечательные леса, полные ягод, грибов и орехов, на окраине – большое озеро (примерно три километра в длину и шириной с километр). Встречаются гористые места. Очень много зелени и садов»* [18]. *«Я остался без отца, без матери в возрасте 5 лет. Нелегкая была жизнь. То немножко старшие братья брали к себе. У них свои семьи были. Они поженились. Старше они были, я – малыши против них. А потом в 1925 году советская власть организовала для таких детей детский интернат в Одессе. И вот нас туда забрали с нашей Николаевки, человек 7 забрали. Николаевка была в Одесской области... Я побыл там 5 лет»* [19].

Практически ни один из респондентов не остановился на описании внутреннего убранства дома, за исключением тех немногих случаев, когда какая-то деталь интерьера не запечатлевалась в памяти на долгие годы: *«Значит, вот как зайдешь, как и положено, в правом углу, от потолка и вот внизу вот такой треугольный столик – это были иконы»* [20]. Вероятнее всего, аскетизм и неприхотливость советского быта, вызванные целенаправленным идеологическим воздействием и крайне низким уровнем жизни пореволюционного времени, не располагали к такого рода воспоминаниям. Хотя две собеседницы, чье социальное происхождение еще десять – пятнадцать лет тому назад было бы определено категориями «бывшие» и «из интеллигентского сословия», детально обрисовали некогда занимаемые их семьями жилые пространства *«вот с такими стенами в восемь кирпичей»*: *«Значит, дом такой дворянский и вот лестница, такая чугунная, казалась мне большой. Сейчас она уже не такая большая, я была там, она красивая была очень, в розах вся. Это был парадный вход, а для прислуги был, не железная лестница, как в обычных купеческих дворах парадная, но уже с деревянной лестницей и две комнаты, ведущие из этой парадной для прислуги, комната, там кухарка, прачка, вот такое вот. А между основной квартирой была лестница, которая спускалась ниже. Между лестницей была большая ванная и только после этого ход туд, а в ту половину»* [21]. *«Мы меняли нашу московскую квартиру, девятиметровую такую комнатку в коммуналке, а поменяли на коммуналку здесь, но шикарную... Это известный памятник конструктивизма, его сейчас изуродовали <...> Там было так, типа в нашей квартире: две комнаты смежные и одна совершенно изолированная. Вот заселяли обычно две семьи. Вот смежные комнаты, это какая-то большая семья, ну вот, например, по тогдашним временам нас там жило четыре человека, считалось, что у нас хоромы»* [22].

Показательно, что обе они впоследствии неоднократно возвращались к событиям того времени, что нашло отражение в ряде газетных интервью одной из них [23] и нескольких книгах другой [24]. Именно книги, чьими главными действующими лицами стали *«или ближайшие родственники, или друзья, или сослуживцы»*, а некая *«присочиненность»* послужила основанием для автора отнести их к жанру *«повестей и рассказов»* [25], передают особенности освоения жилого пространства людьми различного уровня достатка и разного отношения к быту. Так, описывая квартиру родителей своей детской приятельницы Милочки Уманской, *«хорошенькой кудрявой девочки»*, И.Н. Калабухова отмечает, что воспринималась она *«как нечто, предназначенное для созерцания и изучения, а не для жизни. Необыкновенен был пол: он состоял из дощечек разного оттенка, уложенных елочкой. Темно-красные портьеры на окнах прихвачены медными кольцами. В спальне висел тоже темно-красный, очень мягкий на ощупь ковер. Но самой удивительной казалась большая картина в столовой»* [26]. Не меньшее удивление вызывал и довоенный дом еще одной ее маленькой приятельницы Ляли Равикович, у каждого из обитателей которого имелся не просто свой уголок, но и целая отдельная комната: *«У тети Жени в ее крохотной комнатке стоял маленький хрупкий столик, покрытый зеленым сукном, кое-где укапанный чернилами. На нем – маленькая настольная лампочка с зеленым же шелковым абажуром в виде колокольчика на медной, согнутой, как стебель, ножке... Еще стояла тут покрытая куском синего, слегка потертого бархата ручная швейная машинка, узкий черный шкаф с платьями тети Жени и Веры Исаевны и маленькая, чуть не с сундук длиной, кушеточка. В Валюшиной комнате меня поражал сам факт существования письменного стола, предназначенного для девочки-школьницы»* [27]. Наличие этой отдельности, создававшей возможности уединения и некоторой внутрисемейной автономии, являлось по тем временам большой редкостью. Редкостью, оттеняемой жизнью напоказ, которая зачастую просто не замечалась и воспринималась *«нулевой степенью письма»*: *«Две наши довольно*

большие по тем временам комнаты были не только общие, но как-то всеобщие. Речи не было не только о том, чтобы их как-то разделить между нами, как это сделали Равиковичи, – ни у кого не было даже своего уголка, зоны действия, сферы существования, все вершилось на виду у всех, и всех это устраивало. Теперь-то я думаю, что не устраивало мою еще молодую мать, которой бы хотелось иметь личную жизнь, но в нашей спартанской семье это никому не приходило в голову» [28].

Вместе с тем в ряде воспоминаний встречаются упоминания о перегородках, ширмах, «каких-то немислимых закутках», посредством которых мир взрослых хотя бы на время отгораживался от мира беспокойного детства, также требовавшего своего неподконтрольного существования. Нередко оно достигалось совершенно неожиданным образом путем наличной планировки жилья: «Папина была комната с мамой и наша, а посередине была кухня» [29], его перестройки: «Позже, в 1938 году, к нему (дому – Т.Х.) добавили крыльцо и пристройку, впоследствии сыгравшую положительную роль в приобретении мной независимости» [30] либо же переселением в другую квартиру: «...мы переселились из маленькой квартиры в большую, в этом же доме, отец хотел три комнаты потому, что я выросла. Был совершенно потрясающий человек, управляющий домами, это политкаторжанин, это ленинцы, которые на каторге были, совершенно необыкновенное поколение. И он, конечно же, был болен туберкулезом, как они тогда, без всяких взяток, без всего и, когда появилась квартира гораздо больше, чем наша маленькая двухкомнатная, он привел отца, и мы переселились» [31].

Жилое пространство рассматриваемого периода времени различалось не только своей протяженностью, но и внутренним убранством. Привычная довоенная простота и предельная функциональность вещей перемежалась со стремлением к уюту и одомашниванию пространства посредством «бытовых мелочей»: «Теперь, по прошествии многих лет, я понимаю, чем беден был мой родной дом, чего так не хватало в нем моему детскому существу, так не хватает растущему организму кальция, и чем так всегда спешила я наглотаться в доме Равиковичей. У нас в квартире не было ничего лишнего, ничего бесполезного, а именно бесполезно, лишнее придает бытию оттенок неповторимости, индивидуальности, является теми минеральными солями, которые создают вкус питьевой воды... Впрочем, было и в нашем доме несколько красивых вещей. Но тогда я их прелести не понимала, как не понимала неуместности кухонной мебели в красном углу, – не ценила. Попали же они к нам не за свою красоту, а скорее всего, случайно и сохранились потому, что у них было вполне конкретное назначение» [32].

При этом дом представлялся не только конкретно локализованным местом проживания с разной степенью бытовой комфортности, но и атрибутом материального достатка, а также социального статуса: «Строили дома, они были примитивные, что такое саманные дома, Вы знаете. Или планкованный дом – это когда деревянная основа, обитая планками, и она набивалась глиной. А вот кирпичные дома – это была редкость, это были только богачи, местные богачи окраинные могли поставить. Вот на нашем квартале, где я жила, было всего два кирпичных дома, остальные были планкованные или саманные. У нас был планкованный дом, который в 1930 году построил мой дед, в котором я и родилась» [33]. Редко, но тем не менее отмечались и условия проживания: «Наши смежные вдвоем, а их отдельные. Кухня отдельная, кухня, правда... да ну, не меньше, чем теперь в хрущевках. Вот так это строилось для рабочих, а напротив был корпус, там были изолированные квартиры. И вообще, они были оборудованы лучше, по-моему, там были ванны. У нас – ничего. Горячей воды ни у кого не было, холодная, но у нас не было ни душа, ничего» [34]. Следует отметить, что ситуация отсутствия необходимых с точки зрения нашего современника удобств каких-либо раздражающих комментариев у собеседников не вызывала.

Ценность довоенного дома определялась как восприятием его в качестве места рождения, «семейного гнезда», «родительской вотчины», так и невозполнимой утратой, подчеркиваемой неприглядностью сменяемых с калейдоскопической быстротой временных пристанищ периода эвакуации: «[У кого остановились в Махачкале?]. На улице, сидели, как цыгане табором. Там собрались людей тысячи» [35]. «Приехали мы в Баку, в надежде, что мы все-таки вернемся, и над Баку начали летать самолеты. И тут уже холода, октябрь месяц. И там мы уже сидели, я Вам скажу, я не знаю, как назывались эти хатки, глиняные хатки, там, значит, на зиму загоняли овец. Потому что днем тепло было, а вечером холодно, и вот мы в этих хатках» [36]. «Мы жили в той части Ташкента, она называется Бешагач, это тогда был дальний район. Там была тоже обувная фабрика, и было общежитие, двухэтажное здание, нам подготовили комнаты. Комната была примерно, как детский класс в школе. Топчаны свежие сделали нам, было у нас на чем спать, и в нашей комнате жило 19 человек из приехавших» [37]. При этом плотность жилого пространства вовсе не исключала возможностей его личного обустройства и частного освоения: «...каждый в комнате занимал свой угол. Скажем два топчана – это наш угол, еще чей-то угол, еще чей-то» [38].

При этом многие респонденты сохранили воспоминания о жизни в «вынужденной ссылке» (эвакуации) как об относительно «нормальной и даже в чем-то хорошей жизни»: «Запомнилось мне,

как мы работаем в колхозе. Хлеб там такой был вкусный. Они его пекли на капустных листах. И это же хлеб был натуральный, т.е. пусть его было мало, но это ж перемололи муку и сделали хлеб, не то, что сейчас, потому что сейчас вообще я не знаю, что это, хлеб или что. Значит, очень вкусный был хлеб, мне запомнилось. Мне запомнились несчастные эти эвакуированные, которые вот какие-то такие беспомощные были. Ну, мама моя вот шила, мы там, в колхозе, что-то там крутились в школе, что-то там, в общем, я ж говорю, спектакли устраивали. Мы «Бориса Годунова» ставили в школе...» [39]. Эта нормальность во многом оказалась связанной и с теми конкретными людьми, с которыми приходилось жить «под одной крышей»: «Очень теплые у меня остались воспоминания о казахах. И знаете, в какой-то мере это, как бы я считала своей второй родиной. И когда потом у моих соседей заговорили что-то плохое о казахах, мне это очень, я вообще не люблю такие разговоры, у меня о них очень теплые воспоминания» [40].

В годы войны появились и были освоены новые типы жилья: блиндажи, противотанковые рвы, палатки. Е.С. Тюкина, сбежавшая на фронт и попавшая в санэпидемотряд, после благоустроенной воронежской квартиры оказалась в армейской палатке. Спустя семь десятилетий о жизни в ней она вспоминала как о чем-то привычном и даже уютном: «... там у нас были такие надувные матрасы.... Мы печку топили. Такую, буржуйку – зимой, когда надо было, а так, в общем-то...». По ее тогдашним ощущениям, нахождение в палатке одновременно 6–7 чел. больших неудобств не причиняло, а отсутствие в общепринятом смысле этого слова личного пространства заменялось наличием матраса, который «был у каждого своим» [41]. Вместе с ними в жизнь фронтовиков и эвакуированного населения входил и национальный жилищный колорит. Н.Ф. Резникова, оказавшаяся с медсанбатом в Осетии, в одном из горных аулов впервые увидела саклю: «Сейчас точно не помню или в ауле Дунте, или в Камунте я явилась и увидела первый раз саклю. Это удивительное сооружение. Это как-то земля, земля, земля, вот очаг, и сверху дыра и вот туда дым поднимается. А там и тепло, и светло, и все нормально оказалось в этой сакле». При этом ее больше всего удивила не сама сакля как непривычный для русского человека тип жилища, а ее естественное освещение: «Вообще-то мы подсвечивались из снарядов артиллерийских, готовили гильзы уже свободные и делали светильники для раненых» [42]. Аулы южного Казахстана встретили эвакуированных домами-кибитками: «Им там приготовили дома, по-ихнему это дома-кибитки. У них дома, как у мусульман, одна сторона улицы – окна выходят, а другая сторона улицы – задняя часть, т.е. дома на восток расположены... Вот две бабушкины сестры – каждая получила по домику, по кибитке, и мы въехали в одну такую кибитку. Значит, сени, там закром, и в закрومه пшеница. Ее возят на мельницу, пекут пышки, хлеб. И одна большая комната с мазаными полами, низкая. Никакой мебели. Печка, вмазан казан чугунный в печку, и в этом казане варят пищу» [43].

По мере освобождения советских территорий начиналось восстановление жилищно-коммунального хозяйства городов и сельских населенных пунктов. Степень их разрушения зависела от времени и характера оккупации и колебалась от 100% до 15–20%. Согласно данным ЦСУ СССР на 1 января 1945 г., из 694 строений, находившихся до оккупации в г. Истре, было полностью разрушено 688. Схожая ситуация наблюдалась и в Великих Луках, где из 3007 строений 2704 было разрушено полностью и 303 – частично [44]. «Сведения об ущербе, нанесенном коммунальному хозяйству городов, бывших в оккупации» стали собираться ЦСУ и отделом жилищно-коммунального хозяйства Госплана СССР с 1943 г. Местные статистические управления не всегда располагали необходимыми центру данными, которые в рассматриваемый период времени были весьма приблизительными. 15 апреля 1944 г. статуправление г. Таганрога сообщало, что «полученный нами материал <...>оказался недоброкачественным. В настоящее время, в полной мере осознавая всю необходимость их (данных – Т.Х.), мы лишены возможности отвечать на многие, ставящиеся Вами вопросы, касающиеся жилищного фонда по той причине, что в результате фашистской оккупации все учетные данные как у нас, так и в горкомхозах, горжилуправлениях, Бюро инвентаризации и других, – уничтожены. И после освобождения от оккупации была проведена работа только по учету обобществленного жилого фонда. В виду этого, на основании каких данных можно в настоящий момент получить сведения о домах, находящихся в личной собственности? Таким образом, если в результате наших настойчивых требований мы все же получаем эти данные, то достоверность их маловероятна» [45]. Начальник Ростовского областного статистического управления также отмечал, что «полученный материал оказался невысокого качества», правда, уже «вследствие различного понимания некоторых поставленных вопросов. Особенно это сказалось на учете жилищного фонда» [46].

Однако, несмотря на все погрешности в подсчетах, разрушенные города производили впечатление чего-то «навсегда утраченного и непоправимого». Д.А. Гранин в своем автобиографическом романе, передавая ощущения героя от увиденного после снятия блокады г. Пушкино, писал: «Никто не верил, что можно что-либо восстановить. Да и в такие сроки. Пока что на ближайшие десять – двадцать лет предстояло отстраивать Ленинград. Люди теснились в переполненных коммунальных квартирах... Люди возвращались из эвакуации, им негде было жить...» [47].

Выводы. Боль от утраты родного очага, его разорения «фашистскими варварами, да чего греха таить, и своими» будет еще долго напоминать о себе зияющими провалами городских улиц и выбитыми окнами жилых помещений. Но постепенно жизнь будет брать свое, и довоенный коммунальный быт станет ностальгией по утраченной молодости и, «в общем-то, хорошей жизни».

Примечания:

1. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИ РО). Ф. 13. Оп. 2. Д. 478. Л. 36 об.
2. Там же. Л. 412. Л. 37 об.-39.
3. Грудницына Л.Ю. Жилищная политика в России. URL: <http://nash-kronshtadt.ru/gorozhaninu/domovoye-komitety/zhilishhnaja-politika-v-rossii-proshloe-i-budushhee.html> (дата обращения: 13.02.2013).
4. ЦДНИ РО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 372. Л. 133-133 об.
5. Там же. Д. 412. Д. 38.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7523. Оп. 27 Д. 4. Л. 83.
7. Там же. Л. 216-217.
8. Калабухова И.Н. В прощаньи и в прощеньи. М., 2008. С. 40.
9. Галустян В. Мой Нахичеван. Таганрог, 2011. С. 5.
10. Миркин М. От Черей до Чикаго. Иерусалим, 2013. С. 23.
11. Респондент: Шепеленко Нина Павловна, 1930 г.р. Интервьюер: Курбат Т.Г. Место проведения: Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 50 минут. Запись 15 октября 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
12. Респондент: Тюкина Евгения Степановна, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 105 минут. Запись 7 марта 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
13. Респондент: Мириам Филипповна Н., 1929 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность: 50 минут Запись 4 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
14. Респондент: Тюкина Евгения Степановна, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 105 минут. Запись 7 марта 2013 г.
15. Респондент: Мириам Филипповна Н., 1929 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность: 50 минут Запись 4 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
16. Респондент: Кремянская Сильвия Яковлевна, 1926 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 80 минут. Запись 16 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
17. Респондент: Коваленко Зоя Григорьевна, 1926 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 123 минуты. Запись 29 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
18. Миркин М. Указ. соч. С. 22.
19. Респондент: Жуган Николай Павлович, 1917 г.р. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Место проведения: г. Краснодар, квартира респондента. Продолжительность: 77 минут. Запись 25 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
20. Респондент: Кремянская Сильвия Яковлевна, 1926 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 80 минут. Запись 16 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
21. Респондент: Розенблит Эвелина Евгеньевна, 1933 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 107 минут. Запись 18 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
22. Респондент: Калабухова Инна Николаевна, 1933 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 95 минут Запись 19 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
23. Девочка и война. URL:<http://www.krestianin.ru/articles/18215.php> (дата обращения: 25 октября 2012 г.).
24. Калабухова И.Н. Где мои тринадцать лет?... Повести. Ростов н/Д., 2006; ее же. В прощаньи и в прощеньи. М., 2008.
25. Калабухова И.Н. Где мои тринадцать лет?... С. 3.
26. Калабухова И.Н. В прощаньи и в прощеньи. С. 9.
27. Там же. С. 97-98.
28. Там же. С. 99.
29. Миркин М. Указ. соч. С. 23.
30. Респондент: Тюкина Евгения Степановна, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 105 минут. Запись 7 марта 2013 г.
31. Респондент: Мириам Филипповна Н., 1929 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность: 50 минут Запись 4 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
32. Калабухова И.Н. В прощаньи и в прощеньи. С. 100, 102.
33. Респондент: Семина Виктория Николаевна, 1930 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 105 минут Запись 25 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
34. Там же.

35. Респондент: Кремянская Сильвия Яковлевна, 1926 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 80 минут. Запись 16 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

36. Там же.

37. Респондент: Мириам Филипповна N., 1929 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность: 50 минут Запись 4 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

38. Там же.

39. Респондент: Кремянская Сильвия Яковлевна, 1926 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 80 минут. Запись 16 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

40. Респондент: Мириам Филипповна N., 1929 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность: 50 минут Запись 4 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

41. Респондент: Тюкина Евгения Степановна, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 105 минут. Запись 7 марта 2013 г.

42. Респондент: Резникова Надежда Федоровна, 1921 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Майкоп, квартира респондента. Продолжительность минут 120 минут. Запись 10 января 2013 г.

43. Респондент: Мириам Филипповна N., 1929 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность: 50 минут Запись 4 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

44. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 14. Д. 1217. Л. 3.

45. Там же. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 1210. Л. 38.

46. Там же. Л. 55.

47. Гранин Д.А. Мой лейтенант. М., 2013. С. 166.

УДК 94(47).084.3/6.

Жилое пространство и особенности его организации в условиях военного времени (Статья вторая)

Татьяна Павловна Хлынина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН,
Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена жилищной политике советского государства в условиях предвоенного и военного времени. В ней анализируются стратегии власти по решению жилищного вопроса, рассматриваются проекты строительства жилья и его формы. Значительное внимание уделяется внутреннему убранству жилья и восприятию жилищных условий населением того времени. Отмечается, что, несмотря на предпринимаемые властью усилия, жилья катастрофически не хватало. Приводимые выдержки из обращений населений к высшему советскому руководству страны свидетельствуют о значительных трудностях в его получении. В то же время проанализированные устные воспоминания участников и очевидцев Великой Отечественной войны позволяют сделать вывод о восприятии жилья как о необходимой, но зависящей от возможностей государства величине благополучной жизни.

Ключевые слова: жилое пространство; устные нарративы; респондент; жилищные условия; дом; коммунальная квартира; Великая Отечественная война; частная жизнь.